ФОЛЬКЛОР / FOLKLORE

Юрий Новиков

Вильнюсский педагогический университет (Литва) kerbnov1@gmail.com

Инициальные частицы и мини-формулы в былинах

За последние десятилетия благодаря исследованиям П. Д. Ухова (Ухов, 1970), Б. Н. Путилова (Путилов, 1966), К. В. Чистова (Чистов, 2005) и других эпосоведов значительно продвинулось вперед изучение структуры фольклорного стиха (прежде всего былинного), законов его формирования и варьирования, способов соединения соседних строк в тирады – целостные художественно-смысловые комплексы. При этом основное внимание уделяется окончаниям стихов, поскольку именно здесь, по мнению Б. Н. Путилова, концентрируются определяющие, узловые структурные элементы (Путилов, 1966, 233). Роль инициальных частиц, словосочетаний и мини-формул не столь очевидна, но на наш взгляд, их анализ также может быть достаточно плодотворным.

Наиболее заметны в былинах анафоры. Это могут быть буквальные повторения начальных слов:

На небе солнце, — и в тереме солнце, На небе месяц, — и в тереме месяц, На небе звезды, — и в тереме звезды, На небе зори, — и в тереме зори (Рыбников, 1910, № 168 — Колодозерский старик).

Иногда единоначатия сменяют друг друга; каждое из них скрепляет по 3-4 соседних стиха, образуя своеобразную цепочку семантических мини-блоков:

Я не могу со князём думы думати, Я не могу со князём мысли мыслети – Потому у мня нету платья чветного, Нотому у мня ведь нет ноньче добра коня, Потому у мня нет сбруи лошадиное, У мне нет всей сбруи богатырьское – У мне нет ноньчи сабельки-то вострое,
У мне нету копейця-та булатного,
У мне нету ведь палици боёвое,
У мне нет ноньче лука-та ведь крепкого
Со тема ёго с тетивками шелковыма,
Со тема же со стрелками калёныма:
У мня пропита чумаку всё, чоловальнику,
У мня всё где со всем в тридцети тысичах!
(Свод, 2004, т.4, № 180 – И. А. и А. А. Чуповы).

Гораздо чаще сказители практиковали более сложные модели построения тирад, изменяя форму начального слова, используя синтаксический параллелизм или семантически связанные друг с другом лексемы:

Скоро он снарежается, **Скоря** тово пое<3д>ку чинят (Кирша Данилов, 1977, № 18).

Тоби полно-тко свистать да по соловьему, Тоби полно-тко крычать да по звериному, Тоби полно-тко слезить да отцей-матерей, Тоби полно-тко вдовить да жон молодыих, Тоби полно-тко спущать да сиротать да малых детушок (Гильфердинг, 1950, т. 2, № 74 — Т. Рябинин).

А день-то ведь за день, как дожжи дожжят, А неделька по недельке, как ручьи бежат, А год-то за год, как трава росла (Соколов-Чичеров, 1948, № 82 – Ф. Конашков).

Кривой ездой ехать ровно три годы, **Прямой ездой ехать** нынь три месяца (Свод, 2001, т. 2, № 244 – П. Марков).

Группу соседних стихов надежно скрепляют повторяющиеся местоимения (чаще всего он или я) в сочетании с различными глаголами. Так, в одной из былин печорского сказителя П. Поздеева 5 строк подряд начинаются с местоимения он:

Он-де взял его, Добрыню, себе прислугою, Он кабы три года же у князя жил он в конюхах, Он-де три года же жил он в приворотниках, Он бы три года у князя жил во стольниках, Он три года жил у князя в писарях (Свод, 2001, т. 1, № 23).

А у его земляка Е. Рочева в 7 стихах подряд дублируется инициальное местоимение я (Свод, 2001, т. 1, № 24; стихи 64-70). Особую динамичность эпическому повествованию придают тирады, все строки которых начинаются с глаголов; их количество порой достигает 10-15 и даже 24 (Свод, 2001, т. 1, № 18; стихи 201-224 — В. Тайбарейский).

Иногда финальные формулы смыкаются с инициальными (так называемый подхват – повторение конца предыдущего стиха в начале следующего):

Становилась эта сила близко Киева, Близко Киева стоит да во чистом поли (Гильфердинг, 1949, т. 1, № 57 – И. Фепонов).

На молодце шуба соболиная, Того ли соболя заморского, Заморского соболя ушистого, Ушистого соболя, пушистого (Рыбников, 1910, т. 2, № 144 – Т. Романов).

Формульной цельности былинных стихов способствует внутренняя рифма, когда первое слово в строке рифмуется с последним:

A й во **охканьи** не слышно **бухканье**, A во **бухканьи** не слышно **охканья** (Гильфердинг, 1951, т. 3, № 215 – В. Суханов).

А то было на делу дешево — женский пол: Старушечки были по полушечки, А молодушечки были по две полушечки (Рыбников, 1909, т. 1, № 91 — К. Романов). Первое значимое слово может стать ключевым и при использовании однокорневых лексем:

A не **темныя** ли **темени затемнели**, (Гильфердинг, 1949, т. 1, № 59 – И. Фепонов).

Гой еси, удалый добрый молодец! (Кирша Данилов, 1977, № 22).

Ай же ты, Добрынюшка Микитинец! (Гильфердинг, 1949, т. 1, № 38 – А. Тимофеев).

А строки, начинающиеся с местоимений или вопросительных наречий и не являющиеся прямой речью былинных персонажей, обычно предваряют развернутый ответ все в той же «системе авторской речи сказителя»:

А и конь под ним в пять тысячей. Почему коню цена пять тысячей? За реку он брода не спрашивает, Котора река цела верста пятисотная, Он скачет с берега на берег – Потому цена коню пять тысячей (Кирша Данилов, 1977, № 3).

Инициальное наречие *втапоры* («в ту пору», «в это время», «тогда») также обозначает начало нового смыслового сегмента текста. Встречается оно довольно редко – в большинстве былин Кирши Данилова (Кирша Данилов, 1977, № № 1, 3, 6 и др.), в старинах печорского сказителя П. Маркова (Свод, 2001, т. 1, № № 115, 199 и др.) и в исторической песне пинежанина А. Вехорева (Астахова, 1951, № 213). Другие эпические певцы использовали более современные словосочетания *Как во ту пору, в то время…; Тут стал…; Уж как тут…; Как идёт…; И тогда…* и т.п.

Позитивные результаты дает анализ статистических данных. Набор инициальных частиц в русских былинах сравнительно невелик, региональные различия в их функционировании практически не просматриваются. У большинства сказителей насыщенность записанных с пения вариантов составляет не менее 35-40 процентов всех стихов. Но в их выборе и частотности употребления сказываются особенности исполнительской манеры, личные вкусы и пристрастия эпических певцов. Сошлемся на конкретные примеры.

Варианты «Добрыни и Алеши», записанные от В. Суханова, П. Воинова, Н. Швецова и И. Сивцева-Поромского, принадлежат к оригинальной кенозерско-мошинской редакции сюжета, чрезвычайно близки по содержанию и художественному оформлению и, вполне возможно, восходят к одному первоисточнику. Первые три сказителя использовали разные типы инициальных частиц и прибегали к ним довольно редко (Гильфердинг, 1951, т. 3, №№ 215, 228, 306), а у Сивцева-Поромского едва ли не каждый стих начинается одной и той же частицей $\mathcal{A}a...$ (Гильфердинг, 1951, т. 3, № 222). Эта же частица доминирует в большинстве былин Ф. Чуркиной с Печоры, а ее земляки А. Вокуев, Н. Шальков, И. Дуркин отдавали предпочтение частицам *Как...* и Кабы.... В традиционных старинах пудожанина Ф. Конашкова от 90 до 100 процентов стихов начинается с частицы A... (иногда Ай...) (Соколов-Чичеров, 1948, №№ 76-91). А вот в распетом на былинный лад отрывке из лубочной сказки о Еруслане Лазаревиче (Соколов-Чичеров, 1948, № 92) этот показатель не достигает и 25 процентов, причем частица A... не встречается ни разу. В текстах Г. Якушова, приятеля Конашкова, с которым они неоднократно состязались, поочередно исполняя перед земляками одни и те же произведения, столь жесткой ориентации на одну частицу не прослеживается. В одних текстах преобладает частица A..., в других – Kak...; нередко эти былины записывались в один день. В «Наезде литовцев» спачала доминирует частица $A\dots$ (частотность ее употребления превышает 86 процентов), а с 44-го стиха по 133-й – частица Как... (частотность уменьшается вдвое) (Соколов-Чиичеров, 1948, № 17).

У некоторых сказителей из разных регионов прослеживается тенденция целую группу соседних стихов начинать с одной частицы или мини-формулы, а затем переключаться на вторую, третью и даже четвертую. Так, в былине кулоянина И. Сычова «Василий Игнатьевич и Батыга» (Григорьев, 2003, т. 2, № 270) стихи 131-134 открывает словосочетание $\mathcal{A}a$ скоре тюго...; стихи 136-140 – Уж вы...; 160-162 – Он ведь...; 204-206 – Инша...; 207-212 – $\mathcal{A}a$...

Результаты статистического анализа употребления инициальных частиц и мини-формул могут служить одним из инструментов для выявления вариантов, записанных не с пения, а под диктовку исполнителя. Известный собиратель А. Ф. Гильфердинг первым обратил внимание на то, что в таких текстах резко сокращается количество незначимых слов. «Напев поддерживал стихотворный размер, который при передаче сказителем былины словами тотчас исчезал от пропуска вставочных частиц и слияния двух стихов в один» (Гильфердинг, 1949, т. 1, 65). Это касается междометий, постпозитивных частиц, повторяющихся предлогов, местоимений, а иногда и постоянных эпитетов. Но в первую очередь сказанное Гильфердингом справедливо по отношению к инициальным частицам и мини-формулам. В этом лишний раз убеждают опубликованные в печорских томах Свода русского фольклора разночтения в пропетых и сказанных вариантах, которые исполнили П. Дитятева, П. Дуркин, Т. Торопова и А. Овчинникова (Свод, 2001, т. 1, № № 42, 120, 121, 156, 157, 171, 187, 191). Как подчеркнуто в текстологических комментариях, во всех случаях «при пении вставлялись частицы, местоимения, союзы» (Свод, 2001, т. 1, 754). В былине мезенского певца М. Антонова «Василий Буслаев» в пропетой части (462 стиха) инициальных частиц почти в два с половиной раза больше, нежели в предварительной записи со сказа (Свод, 2004, т. 4, № № 188 и 189; комментарии на стр. 686-687).

Учитывая эту закономерность, при наличии повторных записей можно хотя бы в первом приближении определить, какие из них фиксировались не с пения. В сборнике П.Н. Рыбникова по насыщенности инициальными частицами некоторые тексты кижан почти не уступают записям А.Ф. Гильфердинга («Вольга и Микула» Т. Рябинина, «Дунай» и «Сорок калик» К. Романова, «Василий Буслаев» Т. Иевлева, «Илья Муромец и Идолище» Н. Дутикова, «Дунай» А. Сарафанова). Но гораздо чаще разница явно превосходит порог случайных колебаний, что можно квалифицировать как косвенный признак фиксации былин первым собирателем не с пения, а под диктовку сказителей. Так, в повторных записях Гильфердинга количество инициальных частиц на сто стихов возросло в полтора-два раза в старинах К. Романова «Волх» и «Илья Муромец и Калин-царь», в «Илье Муромце и Соловье-разбойнике» А. Сарафанова, в «Василии Игнатьевиче и Батыге» С. Корнилова, в «Садко» Н. Дутикова, в «Вольге и Микуле» Т. Рябинина. А былины «Чурила и Катерина» А. Сарафанова,

«Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Королевичи из Крякова», «Илья Муромец и дочь его» Т. Рябинина по насыщенности инициальными частицами превосходят первоначальные варианты в 4,4 – 6 раз. Напрашивается естественное предположение, что, по крайней мере, последняя группа произведений записана Рыбниковым под диктовку исполнителей. Такая же картина наблюдается в большинстве былин, записанных на Кулое О. Э. Озаровской от певцов, с которыми ранее работал А. Д. Григорьев. Здесь более точными, аутентичными являются первые по времени фиксации тексты. Видимо, не с пения в 1937-1938 гг. записаны былины пудожанина Ф. Конашкова. В них крайне низок удельный вес инициальных частиц, в то время как в 1928 г., как уже отмечалось выше, сказитель использовал их почти в каждом былином стихе.

Выявление текстов, записанных под диктовку, представляет не только сугубо академический интерес, характеризуя методику собирательской работы. Подобные варианты нецелесообразно использовать при изучении структуры и метрического строя эпического стиха, звукописи, особенностей исполнительской манеры сказителей и других исследованиях, требующих особой «чистоты материала».

Нестандартные, не имеющие аналогов в других вариантах былин начальные словосочетания порой позволяют выявить фальсифицированные или серьезно отредактированные тексты эпических песен. К их числу относится былина «С каких пор перевелись витязи на святой Руси», записанная в Сибири Л. А. Меем (Киреевский, 1862, вып. 4, с. 108). Ее аутентичность еще в середине XIX века вызвала обоснованные сомнения такого опытного собирателя, как П. Н. Рыбников. «Бросьте явно поддельную или по крайней мере дурно переданную и поправленную Меевскую редакцию о гибели богатырей», – писал оп Оресту Миллеру (Рыбников, 1910, т. 3, 324). В тексте три основных эпизода разделены пробелами и начинаются одинаково:

Было так, на восходе красного солнышка Выставал Добрыня раньше всех...

Далее речь идет об Алеше Поповиче, а завершает этот своеобразный «триптих» рассказ о пробуждении и действиях Ильи

¹ Подробнее см. об этом: (Новиков, 2001, сюжет 18, № 1-а).

Муромца. Ничего подобного нет ни в одной устной по происхождению былине; в таком четком членении текста на три примерно равновеликих фрагмента чувствуется «почерк» юного собирателя – будущего поэта.

В других случаях неумелые стилизации «под фольклор» выдают чуждые былинному лексикону речевые обороты:

В старину седую, стародавнюю...

Из похода далекого, тяжкого Возвращался Дунай Иванович... (Сидельников, 1968, №№ 34, 36).

В старину было в стародавную, Когды княжил князь Владимир в Киеве... (Черняева, 1981, № 7).

Анализ инициальных частиц и формул помогает внести дополнительную ясность в решение дискуссионного вопроса о происхождении Сборника Кирши Данилова. Некоторые исследователи-«скептики» до сих пор считают былины из уральского сборника вторичными, искусственно составленными из разных вариантов или отредактированными. Однако в последние десятилетия опубликовано немало работ, в которых они интерпретируются как довольно точные записи от одного исполнителя (Ухов, 1956; Путилов, 1966, 251-255; Горелов, 1974; Новиков, 2009, 135-241 и др.). В них прослеживается несомненное единство художественного стиля, совпадает набор постоянных эпитетов, топонимов, антропонимов, встречаются одни и те же архаизмы и историзмы. Приведенные в данной статье примеры использования начальных частиц и словосочетаний подтверждают традиционность старин Кирши Данилова, их принадлежность одному певцу. В первой половине XVIII века, когда был составлен уральский сборник, самый изощренный редактор или «сводчик» не мог бы столь искусно имитировать естественное сказывание эпических песен, особенности индивидуальной исполнительской манеры, техники построения былинных стихов, соединения соседних строк в чеканные тирады. Для этого ему надо было бы на два с лишним столетия опередить развитие отечественного эпосоведения.

² Подробнее см.: (Новиков, 2009, 206-208).

Выводы

Инициальные частицы, отдельные слова и мини-формулы играют важную роль в структурировании былинных стихов, объединении соседних строк в семантические комплексы. В их употреблении не просматриваются сколь-нибудь заметные региональные черты. Однако у многих мастеров русского эпоса были свои излюбленные приемы построения стиха, их тексты различаются по набору и частотности применения инициальных элементов. Анализ этих особенностей позволяет выявить варианты ряда сказителей из Прионежья, с реки Кулой и из других районов, которые были записаны не с пения, а под диктовку исполнителей. Статистические подсчеты помогают получить дополнительные аргументы, свидетельствующие о фальсификациях, стилизации и редактировании отдельных текстов, в частности, некоторых записей из Сибири. Все более или менее существенные закономерности употребления инициальных частиц и формул обнаруживаются в былинах из Сборника Кирши Данилова, что можно рассматривать как еще одно доказательство их традиционности и принадлежности одному певцу.

ЛИТЕРАТУРА (СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ)

Астахова – *Былины Севера /* Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. 1951. Т. 2. Москва; Ленинград: АН СССР.

Гильфердинг – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 1949, 1950, 1951. Т. 1-3. – Москва; Ленинград: АН СССР.

Горелов – Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова.1974. – Ленинград, Наука: Русский фольклор. Т. 14, 166-201.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные A \mathcal{A} . Григорьевым в 1899-1901 гг. 2002, 2003. Т. 1-3. — Санкт-Петербург: Тропа Троянова.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. 1862. Вып. 4. Москва, отпечатано в типографии А. Семена.

Кирша Данилов – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 1977. Москва: АН СССР.

Новиков, 2001 – Новиков Ю. А. *Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов.* 2001. Санкт-Петербург: Европейский Дом.

Новиков, 2009 – Новиков Юрий. Динамика эпического канона: Из текстологических наблюдений над былинами. 2009. Вильнюс: изд-во Вильнюсского педагогического университета.

Путилов – Путилов Б. Н. Искусство былинного певца: Из текстологических наблюдений над былинами. 1966. Москва; Ленинград: Наука: Принципы текстологического изучения фольклора, 220-259.

Рыбников – Песни, собранные $\hat{\Pi}$. Н. Рыбниковым. 1909-1910. Т. 1-3. Москва, издание фирмы «Сотрудник школ».

Свод, 2001 / 2003 / 2004 – Былины: В 25 томах. (Свод русского фольклора). Т. 1-2: Былины Печоры; т. 3-5: Былины Мезени. – Санкт-Петербург; Москва: Наука, издательский центр «Классика».

Сидельников – Сидельников В. Былины Сибири. 1968. Томск: изд-во Томского университета.

Соколов-Чичеров – Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова; Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. 1948. Москва: изд-во Государственного литературного музея.

Ухов, 1956 – Ухов П. Д. Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова. 1956. Москва; Ленинград: АН СССР. Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 1, 97-115.

Ухов, 1970 – Ухов П. Д. *Атрибуции русских былин*. 1970. Москва: изд-во Московского университета.

Черняева – *Русские эпические песни Карелии / Изд.* подготовила Н. Г. Черняева.1981. Петрозаводск: Карелия.

Чистов – Чистов К. В. Фольклор. *Текст. Традиция*. 2005. Москва: Объединенное гуманитарное издательство.

Initial Elements and Mini-formulas in Russian Bylinas Summary

The complex of problems connected with functions and regularities of usage of initial elements in Russian bylinas are considered in the article. Their regional differences are absent practically, but the most singers choose some collection of initial particles and mini-formulas. They use their favourite ways of construction of verses and methods of connecting lines into tirades. Analysis of frequency of their usage lets to reveal falsifications of the texts edited by publishers and bylinas which have been recorded not during singing but during dictation by performers. No deviations from the canons of Russian epic are found in the texts from the collection of Kirsha Danilov. It is evident that they are traditional.

Key words: bylina (Russian epic), initial particle, mini-formula, epic line, tirade (some lines), epic tradition.